



МАРИЯ САРАДЖИШВИЛИ

АДЖАБСАНДАЛ

Мария Сараджишвили Аджабсанда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42623506

ISBN 9785449671875

Аннотация

Сборник рассказов «Аджабсанда» Марии Сараджишвили – это мозаика ситуаций, характеров, мимолетных эмоций и вечных устремлений. Разноцветное руно людских жизней, слов, чувств, борьбы, любви и смерти, удивительным образом пронизанное Божиим присутствием, Его промыслом. О людях, под Богом живущих, о тех, кто Его забыл, и даже о борющихся с Ним, эта книга.

Содержание

Глава 1. Тбилисские эскизы или Из Грузии, с любовью	5
Вечный город	6
Полиглотка и патриотка	11
В автобусе	14
В эру высоких технологий	19
О любви к животным	21
Такое могло быть только здесь	29
Из книги Г. Данелия «Безбилетный пассажир»	31
Вор Миша	33
Поход на кладбище	35
В последний путь	42
Тосты и тостуемые	47
Устное народное творчество	52
Невезучие	56
Новое – это хорошо забытое старое	64
Две соседки	70
В чужом амплуа	78
Жизнь и страдания не очень юной Венеры	81
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Аджабсанда

Мария Сараджишвили

© Мария Сараджишвили, 2019

ISBN 978-5-4496-7187-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Тбилисские эскизы или Из Грузии, с любовью

*Мне Тифлис горбатый снится
Сазандарей стон звенит
На мосту народ толпится
Вся ковровая столица
А внизу Кура шумит...
...В самом маленьком духане
Ты товарища найдешь
Поплывет Тифлис в тумане
Ты в духане поплывешь...
1920 г.*

Осип Мандельштам.

*«.. Постоянно, ежедневно, ежечасно, Бог
посылает нам людей, обстоятельства, дела,
с которых должно начаться наше
возрождение, а мы оставляем их без внимания
и этим ежечасно противимся воле Божьей о нас».*
От. Александр Ельчанинов.

Вечный город

У каждого свой вечный город. У одного – Иерусалим, у другого – Одесса, а у меня – Тбилиси.

Кто только не писал о нем – теплом и любвеобильном – Пушкин и Лермонтов, Дюма и Марко Поло. Говорили о нем – соединившем в себе Запад и Восток, – разное, лестное и вампиры-завоеватели, и бездельники-путешественники. Что случится, если и я приложу к этому делу свою неопытную руку? Думаю, что рога от этого ни у кого не вырастут, а бумага, она все стерпит.

.....

Дезертирский базар ярко освещен солнцем. Недалеко от входа на тротуаре возле небольшой мусорной кучи сидят с огромными красными тазами две азербайджанки, торгуют зеленью.

Одеты они типично: цветастые широкие турецкие кофты, длинные темные юбки, тапочки на босу ногу. На головах накручены всевозможными узлами платки. Выражение лиц такое же, как у всех людей, долгое время занятых крестьянским трудом, независимо от того, где они живут: в сибирской деревне или в ауле под Кандагаром. Обе попеременно вяло выкрикивают на русском:

– Эй, иди, киндза, петрушка, рехан. Пара – пятнадцать! Куда идешь? За десять отдам...

К одной из них подходит немолодая женщина, одетая с претензией на вкус, и начинает долго торговаться.

Через пятнадцать минут, скупив почти задаром огромный мешок зелени, она уже собирается уходить. Но вдруг, заметив на скамейке 2 – 3 шоколадные конфеты, только приготовленных для чаепития, незаметно сует одну в карман.

Одна из азербайджанок что-то тихо говорит другой. Пострадавшая скользит ленивым взглядом по вороватой клиентке, смеется во весь рот, полный золотых зубов, и миролюбиво машет рукой.

– Ва-ай, Аллах...

Покупательница, ничего не заметив, вперевалку идет дальше. Торговки, поджав толстые ноги, садятся пить чай из пластмассовых стаканчиков, что-то весело обсуждая между собой.

...Даруй мне, Господи, их незлобие.

.....

10 часов утра. Маршрутка лавирует по узким улицам Мтацминда. Затем стремительно спускается вниз, к Сололаки. Пассажиры, трясясь, подпрыгивают на ухабах и рытвинах и вынужденно наслаждаются мелодичностью грузинской эстрады из авторadio. Кто-то, перекрикивая музыку, выясняет отношения по мобильнику, используя неформальную лексику.

Через окно, крест-накрест заклеенное скотчем, видно, что маршрутка поравнялась с инвалидкой, вооруженной двумя

костылями, восседающей на стуле прямо на проезжей части.

Шофер резко тормозит, протягивает в открытую форточку горсть мелочи и весело кричит:

– Как поживаешь, тетя Маро?

В уличном шуме ответа не слышно, но видно, что просительница одаривает подателя беззубой улыбкой, и, на секунду выпустив костыли, приветственно машет рукой в воздухе.

Маршрутка тут же срывается с места. Через заднее стекло видно, что следующая машина так же тормозит у импровизированной таможни.

– Кто это? – спрашивает один из пассажиров, свернув голову назад.

– Сололакская Маро! – с оттенком уважения отвечает водила. – Уже два года здесь сидит. Даже менты ее не трогают. Нельзя... Все маршруточники ей при проезде подают. Знают, весь день будет барака¹... У нее никого нет. Ноги почти не действуют, вот и сидит здесь целый день. Вечером соседи приходят, забирают домой...

– Что ты говоришь! – изумляется парень. – Ах, зачем раньше не сказал. Я бы тоже подал. На важное дело еду. Может, и мне бы помогло...

Шофер, пожав могучим плечом, прибавляет звук магнитофона. Маршрутка тем временем летит к мосту Бараташвили...

.... Как известно из жития Ксении Петербуржской ямщи-

¹ недостаток, прибыль (груз.)

ки зазывали ее утром прокатиться в своем экипаже. Каждый из них знал, что такой утренний вояж гарантировал удачный день.

Интересно, в чем причина популярности Сололакской Маро?

Придется подождать, пока все тайное станет явным.

.....

Если копнуть дальше, в глубину веков, то в истории города обнаружится немало казусов, одновременно годных и для передачи «Что? Где? Когда?» и для еще ненаписанного Тбилисского патерика.

Вот, пожалуйста, вопрос на засыпку.

«В девятнадцатом веке в Сионском соборе во время службы произошло убийство. Назовите орудие преступления».

Не напрягайтесь напрасно, перебирая в уме все виды холодного оружия от кинжала до подсвечника. Дело было так.

«...В 1803 г., царица Мариам находилась в Тбилисском Сионском соборе на богослужении. Стоящий рядом с ней генерал Лазарев ее ущипнул. Разъяренная пошлой выходкой генерала, царица сняла свою туфлю (коши) и каблуком так ударила генерала по голове, что тот на месте умер». Так указывает К. Давиташвили в своей книге «Древние грузинские вышивки» причину создания покрывала для аналоя, вышитого царицей во искупление грехов.

.....

Вот вам второй вопрос для игры из того же источника.

«Что именно вывез шах Аббас I из Грузии и что потом вернул с богатыми дарами обратно. Проясните ситуацию и логику действий завоевателя».

Сдавайтесь без боя и умственного напряжения. Предание повествует:

«...Эту плащаницу шах Аббас I в 1614 г. взял в Персию и использовал как вальтрап². Скоро в Персии распространилась какая-то заразная болезнь, принесящая населению большое бедствие. Шах Аббас счел это Божьей карой за осквернение плащаницы и вернул ее с большими дарами в Мцхета».

² Суконное покрывало, подкладываемое под седло.

Полиглотка и патриотка

...Главное богатство города – это, конечно, его жители.

... Черные волнистые волосы лежат копной по плечам. Зеленые глаза и рост – метр с кепкой в прыжке – вот вам моя респондентка Джуля. Сидит на скамейке в Кировском парке и нервно клацает мобильником – делится впечатлениями.

– ... Ты знаешь, у меня новая клиентка – шведка.

– И как ты с ней общаешься?

– Да нет проблем, – продолжает смачно чвакать жевачкой, – на английском, конечно.

– Когда ты успела его выучить?

– А чего там учить? По фильмам. Я же не глухая. Я и с шведкиным ребенком общаюсь.

– И как, понимает?

– Куда денется, – самодовольно улыбается. – Я ему говорю так, погромче: «Томми, гивми ехенд!» И за руку его поскорей хватаю, чтоб не удрал. Потом командую резко: «Гоу!», – и Джуля делает круговой взмах руки, будто ведет солдат в атаку. Потом оглушительно кричит. – «Му-ув!».... Ну, он, конечно, идет.

– Ясно, а с самой хозяйкой как?

– Проще простого. Ты же знаешь, какая я способная. Четыре языка знаю в совершенстве: армянский, русский, грузинский и азербайджанский.... Вот она, например, что-то го-

ворит мне в трубку, когда хочет, чтоб я с ребенком посидела, а я ей в ответ: «О, йес, йес». Она мне: «Добре! Добре!»

– Стоп! Какое еще «добре», ты же говорила, что она шведка.

– Это я перепутала... она... это... как его, – поднатужившись, вспоминает, – сербохорватка что ли.

– Эх ты, где Кура, где мой дом!

– Ох, подумаешь, живет где-то в Америке... Ты же знаешь, я в географии не сильна. Хотя я от этой дуры много слов узнала.

– Да ну!

– Что за отвратительная привычка нукать! Это некультурно! Вот ты в курсе как по-ихнему «харбуз»? – и, не дождавшись ответа на свой вопрос, гордо заявляет. – «Вотермелун»! ... Я специально всякие такие словечки на бумажку записываю... Для общего образования... Откуда знаешь, где пригодится. Одно плохо, все этой шведке «дринк» подавай. Алкашка, что с нее взять. И еще, знаешь, она меня до мозга костей оскорбила, прямо в душу плюнула... Спрашиваю я у нее как-то культурно «Хау, говорю, Тбилиси тую?», и руку к сердцу прикладываю, чтоб эта тупорылая поняла. А она мне: «Юалайкпигз», говорит. Все, значит, дешево и очень грязно. Не понравился ей Тбилиси. Мне так противно стало, аж слов нет. Все ж мой родной город. Ну и что ж, что он первое место по мусору в Европе держит*. Не это главное.

Как тут не согласиться?

(*Разговор происходил во время правления Шеварднадзе. После бархатной революции роз правительство стало делать героические усилия, чтоб уступить кому-то пальму первенства в этом деле и, возможно, им это удалось.)

В автобусе

Религия, что и говорить, плотно вошла в быт каждого тбилисца. Один от безработицы занялся рисованием икон, другой – их реализацией, а третий – самым непыльным делом – изготовлением талисманов. Для непосвященных: это такие кусочки кожи, в которые, якобы зашит псалом 90. Большинство покупателей расхватало эти фитюльки, «не мудрствуя лукаво». Ведь продавцы гарантировали стопроцентное выживание даже в условиях ядерной войны.

Но были и такие Фомы неверующие, которые не поленились расковырять хитрозащитый мешочек и извлечь на свет Божий крошечную ксерокопированную грамотку. А на ней, о ужас, проглядывалась еле различимая арабская вязь.

И поползли по городу слух, один страшнее другого, о том, что масоны объединились с Алькайдой и пошли единым фронтом против многострадальной Грузинской Православной церкви. Можете себе представить всенародное возмущение!

А, как известно, эмоции самая плодотворная почва для коммерции. Было бы уменье...

Желтый длинный Икарус – ценное приобретение Саакашвили, привезенное из Голландии, едет по проспекту Чавчавадзе.

На одной из остановок в салон поднимается 60-летний

высокий мужчина в очках. На голове бейсбольная кепка, на груди огромные карманы с пачками ксерокопированных листов. Зычным, хорошо поставленным голосом, он произносит заученную речь.

– ... Да покроет вас всех благодать Господа нашего Иисуса Христа в веке нынешнем и в будущем. Обращаю ваше внимание, что в продаже имеются два вида церковных календарей. Один на этот 2008 год, другой – вечный – сразу на 10 лет вперед. В обоих отмечены все церковные праздники и постные дни. Цена каждого календаря 10тетри. Все они освящены отцом Рамазом. Приобретайте, мои дорогие, и укрепляйтесь в благодати.

К нему тянутся несколько рук.

– Дайте мне один календарь на 10 лет!

– А мне на этот год.

Продавец раздает экземпляры, принимает мелочь. Затем, набрав побольше воздуха в легкие, начинает.

– Обратите внимание, в продаже имеются также кроссворды, сканворды, sudoku с перечислением 7-ми чудес света. А также 1000 кахетинских анекдотов и 1000 рецептов постных блюд, что ели наши благочестивые предки во время святого Давида Строителя. Купите и голод вам больше не грозит! Повторяю, все освящено отцом Рамазом. Впустите благодать в ваши сердца. Учтите, все за 10тетри.

Справа молодой парень лениво роняет:

– Один sudoku, – и протягивает мелочь.

– Вот сдача, тут же бодро реагирует продавец.

Обозрев наполеоновским взглядом, что больше потребности в благодати у людей нет, мужчина выходит на следующей остановке и тут же молодежато вскакивает на ходу в следующий икарус.

Вижу я его на протяжении нескольких лет, то в метро, то на улице, то на базаре. Всем без устали предлагает он свои освященные календари. И всегда находит одного – двух покупателей. Удивительный синтез трудолюбия и находчивости при практически нулевом начальном капитале.

.....

В «АиФ» время от времени подробно развенчивают современные аферы и трюки жуликов всех калибров.

Повседневная жизнь Вечного города может добавить целую россыпь умопомрачительных ловушек для простодушных...

Зашел как-то у нас разговор об оригинальных браках. Вспомнили к месту Маяковского и Лилию Брик с супругом.

– Кого этим сейчас удивишь, – отмахнулась Вероника, обладательница рубенсовских форм. – Вот я знала одну семью. Жил с ними в одной квартире любовник матери – Ашот-дезертирский вор. Сам маленький, кругленький. Не голова, а Дом правительства. Всю жизнь орудовал на Дезертирском базаре и хоть бы раз попался... Уважали его у нас в корпусе... Что и говорить, семейный человек. Каждый день ходил на базар с большой картонной коробкой. Сверху были проде-

ланы дырки для сумочных ручек. Увидит он, например, толкучку у прилавка. Р-разтуда и сразу опускает пустую коробку на чью-то хозяйственную сумку. Ручки вытянул через дырки и вперед – заре навстречу. Издали ничего подозрительного. Идет себе карлик с коробкой – не придерешься. А он отойдет подальше, сразу рассортирует добычу, что – куда. Скажем, килограмм орехов тут же перепродаст, а сулугуни и зелень – для дома припрячет. Таким макарон всегда с базара нагруженным верблюдом приходил, всю семью любовницы кормил как на убой. А что, как мог, трудился человек, свой вклад в семью делал. От законного мужа-то толка не было. Алкаш, он и на Марсе алкаш. А в семье еще сын -даун. Пропали бы они без этого шибздика Ашота. Прямо сказать, им его Бог послал. Безвыходных положений не бывает...

.....

– ... Вся моя работа на Скорой помощи, – рассказывает Марика, смешливая невысокая женщина, чем-то напоминающая экзотическую птицу, – это сплошной курьез. Может, когда-нибудь напишу книгу. Только лень начинать... Как-то едем мы по мосту Бараташвили на вызов. Видим, прямо на дороге лежит парень, на вид ему 30 с хвостиком в позе цыпленка табака. Сразу видно: кома. Что я только с ним не делала: нашатырь, уколы – все бесполезно. Положили его в рафик, мигалку включили – и прямым ходом к Арамянц-больнице³. Я в кабине. Уже подъезжаем. Вдруг санитар

³ Так в просторечии называется первая горбольница, построенная в XIX веке

мне сзади стучит и рукой показывает: «Останови». Заглянула я в салон. Смотрю, пациент ожил и говорит мне, заикаясь:

– Доктор, с вас пять лар мне на опохмел.

У меня от такой наглости, что называется, помрачнение ума нашло. Тоже заикаться стала.

– К-какие т-тебе пять лар?

А этот негодяй мне спокойно так заявляет:

– Смотри, доктор, а то я опять в кому упаду.

Уголок рта у него как-то сразу пополз в сторону и руки скрючились.

– Эй, ты, – кричу, – симулянт. Сейчас выкину тебя из машины прямо на проспект!

Он чуть закатившийся глаз приоткрыл и языком еле-еле ворочает.

– Ты клятву Гиппократа давала!

Так он нас довел, что пришлось ему пять лар дать только лишь бы отцепился.

Хоть я и медик, а объяснить научно этот вариант с комой по заказу не могу....

на свои средства купцом по фамилии Арамянц, который захотел увековечить себя в истории города.

В эру высоких технологий

АТС на проспекте Чавчавадзе. Блеск металлопластики громадных витрин. Свежий ремонт по последнему слову техники. Мигание плоских мониторов настраивает на меланхолический лад.

– Как позвонить в бюро повреждений? – вежливо спрашивает только что вошедший посетитель.

Оператор – модная девица в очках – на минуту отрывается от дисплея и маникюрным ногтем тычет в сторону белоснежного подоконника. Там красуется голубой треснутый аппарат с искривленным диском. На диске надпись, накаляканная от руки и заклеенная скотчем «телефон повреждений».

Посетитель нерешительно берет трубку. Она убито молчит. Он нажимает на рычажки. Опять молчание. Он нетерпеливо тербит рычажки. Эффект нулевой.

– Постучите сверху! – сжалился оператор.

Яростный стук по ушам телефона разносится в утренней тишине учреждения.

– Постучите сбоку! – советует другой оператор из-за перегородки.

По телефону снова выбивается дробь на манер лезгинки. По измученному лицу клиента видно, что все безуспешно.

Ему на помощь спешит худенький полицейский в новенькой американской форме. Видно, ему не в первой доводить

до ума капризный аппарат.

– Трам – тим – там! – мастерски выбивает он по ушам и бокам телефона. Потом победоносно улыбается.

– Аха, батано⁴! Говорите свой номер.

Посетитель только начинает диктовать свой шестизначный номер, как вдруг телефон отключается.

– Извините, – беспомощно кричит проблемный клиент полицейскому, уже вернувшемуся на свой пост у дверей. – Не могли бы вы снова постучать?

Полицейский нехотя, но с выражением достоинства и значимости на конопатом лице подходит и уверенно выбивает знакомый ему ритм-пароль. Телефон как по волшебству включается. Посетитель успевает сказать заветные цифры и, самое главное, услышать свистящий, прерываемый помехами, ответ.

– Ваш заказ принят...

Готовая иллюстрация на тему: «Если долго мучиться, что-нибудь получится».

⁴ Уважаемый (груз.)

О любви к животным

Говорят, что по отношению к братьям нашим меньшим можно судить о цивилизованности общества. Жителям Вечного города не чуждо ничто человеческое.

Тбилиси – город контрастов и курьезов. Делать какие-то логические выводы иногда бывает сложно. Вот, пожалуйста, анализируйте на доброе здоровье.

– ... У меня дома всякой твари по паре, – затягиваясь любимым «Голуазом», делится Лиля, внушительная, вальяжная дама 45-ти лет. – И попугай Борягадай, и кокер-спаниель Фреды, и безымянные рыбки. Но я больше всех люблю тараканов. Бывает, открою дверь в подъезд, смотрю от мусоропровода ко мне вот такущий, – растопыривает пальцы с 2-мя внушительными перстнями, – крокодил ползет и усам шевелит. Думает, зайти ему или нет? Я – дверь настезь и зову:

– Заходи, дорогой, гостем будешь.

И таракан важно вползает. Вы не думайте, я не буддистка и не верю, что в лице этого черного усача ко мне явилась душа моей бабки Ванды. Я, как и все, иногда в церковь хожу. Вот, видите, – кивает на богато обставленный святой угол в гостиной. – Я иногда даже длинную молитву от пьянства читаю. Так, во избежание неприятностей. А то муж, когда под мухой приходит, любит устраивать танец с сабля-

ми... Да, вернемся к моим любимым тараканам. Я давно заметила: как увижу их в доме – это к деньгам. А война с ними – к потере.

Как-то перерубила я пополам одного усача. Через день муж деньги в дом принес. (Он у меня в свободное время картами подрабатывает. А я ему по гороскопу вычисляю когда удачный день, а когда нет.) Побежала я на базрбу отовариваться. И что вы думаете, у меня ровно половину из кармана вытащили. Вот тебе и убийство насекомого. Так что, тараканы для меня самые полезные существа.

.....

На углу Плеханова и Шерозия сидит старуха курдянка. Голова по глаза повязана черным платком с узлом на затылке. Темно-зеленый плед на поясице. Поверх бархатной, с разноцветными клиньями юбки коричневый фартук. В кармане позвякивает мелочь. Перед старухой целлофановый мешок с семечками. Торговка, дремля, клюет носом. Клиентов на семечки не видно.

К ней подлетает воробей и безбоязненно ворует товар из кулька.

Старуха, приоткрыв медовый глаз, наблюдает за наглой птицей. По сморщенному коричневому лицу ползет улыбка.

Сидящая напротив мацонщица кричит дурным голосом: – Тетя Вардо, смотри, что делает, негодяй! Ух, я его душу мотала!

Воробей тут же вспархивает.

Бабка показывает сохранившиеся клыки и недовольно бурчит: -Ты тоже, ну! Большое дело, несчастные семечки полел. Ничего, не обеднею. Он, может, у меня сипта-клиент!⁵ Из-за тебя, дуры, улетел!

Старуха в сердцах берет горсть семечек и кидает вокруг себя. К ней тут же слетаются со всех сторон голуби и воробьи. Они чирикают и благодарят за угощение.

.....

Ламара, высокого, спортивного телосложения, 50-летняя женщина перебирает лобию и от нечего делать рассказывает:

– ... Моего мужа соседи за глаза звали «Гижи Нугзар»⁶. Он отличался от всех не только силой, ростом, но и поведением. Лично для меня он был «героем не нашего времени».

...Два его младших брата рано и удачно женились и были полностью заняты своими семьями. Нугзар остался жить с родителями, посвятил себя их старости, неумело делая всю женскую работу в доме и не стремясь к достижению каких-то конкретных целей.

Пожалуй, главным для него были его принципы, которые он черпал из древней грузинской литературы. Много ли сейчас найдется грузин, знающих Шота Руставели наизусть, как наши предки? Нугзар знал и иногда к месту цитировал разные отрывки.

⁵ Первый клиент, которому часто дают товар даром или по смехотворной цене.

⁶ Сумасшедший (груз.)

– ... «Что раздашь – к тебе вернется, а что нет – считай пропащим!»

Или

– ... «Всех богатств добытых лучше добывание доброй славы».

И так далее

Говорил, что это чтение помогает ему сохранять душевное спокойствие в каждодневной жизни.

Соседи привыкли его видеть в парке Ваке всегда в выгоревшей помятой рубашке и потрепанных брюках. Он гулял под руку с матерью – склеротичкой. Рядом неизменно трусила несурзная дворняга Бухула.

Вот и окрестили его ненормальным. Тем более что он был «не таким как все»: никогда не стоял часами на бирже, не участвовал в разборках, вел непонятный закрытый образ жизни.

Нугзар знал свою нелестную кличку и даже не пытался что-то изменить в своем поведении или одежде.

Каштаново-желтая Бухула чем-то смахивала на своего светловолосого хозяина. Большая лобастая голова, умные человечьи глаза, во всех неторопливых движениях какое-то скрытое достоинство. Даже лаяла она редко, по необходимости. И, как хозяин, всегда была какая-то нечесаная, неухоженная.

К слову сказать, Бухула не давала надеть на себя ошейник, а Нугзар терпеть не мог галстуки.

Нугзару было 50 лет, когда мы поженились. Помню, вначале повел он меня знакомить с братьями. Одна из невесток, Магда, отозвав меня в другую комнату, стала меня пугать театральным шепотом:

– Пожалей себя, не выходи за него замуж. Он со странностями. Неужели тебе нужен ребенок-даун.

Я мельком взглянула на моего жениха и увидела, как Нугзар побелел от гнева. Но сдержался и ничего не сказал невестке.

Сидящая рядом с ним Бухула тут же вскочила и бросилась с лаем к Магде. Та завизжала:

– Убери свою ненормальную собаку! Когда только сдохнет это страшилище?! А если уж привел, хоть намордник одень!

Нугзар отозвал Бухулу и стал тихо внушать ей, почесывая за ухом.

– Нельзя сердиться на своих. Понятно, Бухула? Они свои и потому хорошие.

Бухулав знак согласия вильнула хвостом и, высунув розовый язык, часто задышала.

Потом, уже став официальной женой, я узнала, что обе невестки давно договорились о дележке квартиры Нугзара, решив, что он никогда не будет иметь семьи. Мое появление поломало их планы.

Стали мы жить вместе: Нугзар, я, его мать Калтамзе, незнававшая никого, и Бухула.

Бухула четко признавала Нугзара своим единственным

хозяйном и не разделяла любовь к нему на членов его семьи. Нас она просто вежливо терпела, как что-то принадлежавшее хозяину.

Начало 90-х годов было сплошным кошмаром для всей Грузии. Хлебные очереди, дефицит электроэнергии, жуткая дороговизна, повальная безработица и война в Абхазии.

Как-то я пошла в 6 утра занимать очередь за молоком для дочки. Нугзар лежал больной. Он позвонил Бухулу и тихо сказал:

– Иди, охраняй ее.

Бухула пошла следом за мной, держась на 2 шага сзади.

Пока я стояла в очереди, она тихо ждала в стороне, не реагируя ни на что вокруг и в то же время, не спуская с меня глаз.

Потом мы пошли назад. Вдруг прямо на меня выбежала стая бродячих собак и бросилась с лаем ко мне. Бухула, как львица, бросилась в самую гущу. Я побежала домой, слыша позади рычание, скрежет клыков и чей-то скулеж.

Сейчас, когда рядом со мной уже давно нет ни Нугзара, ни Бухулы, я прокручиваю в памяти разные моменты и удивляюсь, насколько хозяин и собака были похожи друг на друга.

Нугзар был редкой доброты и честности человек, совершенно не способный ко всему тому, что сейчас называют многообъемным словом «бизнес». Люди часто пользовались его доверчивостью, пытались обмануть или что-то отнять. Иногда у них это получалось.

А он потом делился со мной, сжимая от волнения свои бугристые кулаки:

– Какие у этого человека были лживые глаза. Я видел, что он мне врет, и мне же было стыдно за него. Я просто ушел. Боялся, что разозлюсь и дам по морде, не рассчитав своей силы. Кому много дано, с того много и спросится.

Бухулу, несмотря на мирный характер, преследовала людская неприязнь.

Как-то ее отравил один из наших соседей по корпусу, когда она бегала во дворе.

Нугзар ее потом выходил с большим трудом, отпаивая драгоценным молоком. Обессиленная Бухула лежала на своей подстилке и то и дело лизала ему руки.

– Надо выяснить, кто это сделал и показать ему как следует! – возмущалась я.

– У меня нет доказательств, – отвечал муж, не поднимая глаз. – Не хочу оскорблять никого подозрением.

На этом дело и кончилось.

В другой раз сосед с пятого этажа, Амиран, попытался обманом захватить у Нугзара подвал. Разозлившись, что у него ничего не вышло, еще и наорал на моего мужа:

– Недаром для всех ты гижи – Нугзари! Недоделанный...

Муж, нислова не говоря, сгреб его, как котенка, и с отвращением вышвырнул за дверь, сопровождаемый залиvistым лаем Бухулы.

С тех пор они не здоровались, а Бухула в знак солидарно-

сти норвила обляять соседа каждый раз, когда тот поднимался к себе наверх.

Помню, я была с ребенком в Кахетии, в своей деревне. Смотрю, приезжает Нугзар, на нем лица нет.

– Что с тобой? – говорю.

– Пока меня не было, Амиран увез Бухулу за город и пристрелил ее. Сам потом сказал. Мне на зло.

И тут из его голубых глаз показались скупые слезы. Таким я его никогда не видела, даже на похоронах матери.

– Что ты собираешься делать? – спросила я.

– Ничего. Не убью же его из-за собаки. Пусть нас Бог рассудит. Бухулу только жалко. Фактически из-за меня погибла...

.... Другую собаку мы заводить не стали. Нугзар, как и Бухула, был однолюбом.

Такое могло быть только здесь

Вахтанг Кикабидзе на своем юбилейном вечере в Москве 19 июля 2008 г., рассказал следующее:

– Мой друг Омар женился раньше всех нас. Свадьбу в ресторане он сделать не мог. Друзей много, а денег мало. Поэтому он решил праздновать у себя дома. Жил он в маленькой двухкомнатной квартире в старой части города. Тогда соседи, чтоб для всех гостей хватило места, разобрали общую стенку. И свадьбу отметили в апартаментах из 6-ти комнат. Но еще несколько месяцев Омар с соседями жили без стенки.

– Почему? – спрашивает ведущий Николай Басков.

– Для стройки денег не было...

.....

... – Это что? – спросил дядя Миша.

– Соль, – гордо ответил Отар. (Дело происходило во время войны, и соль была большим дефицитом.) – Для семьи.

– Откуда?

– На лопаты выменяли.

– А лопаты где взял?

– А лопаты были лишние.

Дядя Миша велел немедленно вернуть и соль, и лопаты и прочитал сыну нотацию о том, что честь дороже денег. Отар увез соль, вернул лопаты и ушел со склада. И стал хро-

никером на тбилисской киностудии. И жил жизнью советского служащего.

А парень, с которым он привозил соль, остался работать на складе, и в 50-ых годах за свой счет, чтобы поддержать грузинский спорт, на трех самолетах возил болельщиков по всем городам, где играло тбилисское «Динамо». А после перестройки стал олигархом и несколько раз баллотировался в президенты. И Отар мог бы так же, если бы его не сбили с пути.

Из книги Г. Данелия «Безбилетный пассажир»

.....

(Место действия – Орточальская тюрьма)

«...Гоголь вскочил, обеими руками схватил Гиглу за горло и приподнял над землей...

– Чичико, оставь его в покое! – попросил Девдариани.

Чичико отпустил Гиглу.

– Что он такого тебе сказал? – со смехом обратился к нему Девдариани. – Поезжай, говорит, в Израиль? Ну и что? Мало разве евреев едет в Израиль?

– Мне он этого не должен говорить! – очень серьезно ответил Гигла.

– А ты кто? Багратион-Мухранский?! – спросил с галерки Шошиа.

– Я двух братьев потерял на фронте Отечественной войны. Мои родители похоронены здесь, на еврейском кладбище в Навтлуги.

– Тем более! Сирота, человек без роду, без племени... Что тебя здесь держит?

– А ты кто такой? – взорвался Мошиашвили. – Ты, приبلудная овца?! Как ты смеешь прогонять отсюда меня?! Запомни, я, жена моя, дети мои, внуки и правнуки мои – все мы должны умереть здесь, на этой земле! Понятно тебе, Гоголь?

– Так... Это я, значит, приبلудная овца, да? Да знаешь ли ты, дурья твоя башка, что мои предки поселились в Мегрелии двести пятьдесят лет назад?! Что в моих жилах 80% голубой лазской крови и что прапрапрабабушка моей матери – Медея – была колхидянской?! И я, и моя жена, и мои дети, и их дети – все мы умрем и будем похоронены здесь, на этой земле! Понятно тебе, Мошиашвили?!

– Что же это получается? – развел руками недовольный Тигран Гулоян. – Получается, что нашу Грузию вы превратили в свое кладбище?

– Только тебя как раз нам и не хватало, Тигран! – воскликнул Девдариани.

– Не говори так, Лимон-джан! Предков этих пришельцев не было здесь и в помине, когда мой дед на Ходжеванке в кости играл!...

– Вот потеха, – воскликнул Мебуришвили, – еврей, украинец и армянин спорят, чтобы доказать свое грузинское происхождение! Иди разберись, кто из них прав!

– Все они правы, – проговорил себе под нос Исидор Саларидзе...»

Н. Думбадзе «Белые флаги»

Вор Миша

История взята с сайта mytbilisi.narod.ru

Вор Миша... Ничего о нем не знаю. Но этим воспоминанием выполняю с лихвой обещание, данное ему одной нашей знакомой. Но – обо всем по порядку.

Этой нашей знакомой было тогда около сорока. Красивая высокая дама, из тех, про которых в советские времена мечтательно говорили: «вот на западе женщины именно так выглядят!». Но, несмотря на красоту и ум, личная жизнь у нее не особенно удалась. Дважды была замужем и дважды разводилась.

Шла она одним темным тбилисским вечером домой. И – все развивалось по законам жанра: в неосвещенном месте внезапно ей перегородил дорогу угрожающего вида мужчина и глухим голосом потребовал деньги. Она, будучи человеком не робкого десятка, спокойно протянула ему сумочку. Ее спокойствие и достоинство явно произвели на него впечатление. Но дело есть дело. Увидев на ее руке обручальное кольцо, он приказал снять его. Она спокойно начала снимать кольцо с пальца, но оно шло плохо. Наконец, с трудом сняв его, женщина со смехом протянула перстень преступнику. Тот не понял. Взяв кольцо, изумленный ее спокойствием и смехом, он спросил «ты что смеешься?». Она сказала ему: «Знаешь, я дважды была замужем, но ни один из мужей

мне кольца не дарил. Разведясь во второй раз, я сама себе купила кольцо. Видно, не судьба мне кольцо носить. Так что не жалко, бери!».

Вор был потрясен. Вах, какая красивая, умная и смелая женщина. Вах, и как себя достойно ведет! И вах! – какие идиоты и слепцы были эти ее недостойные мужья!

Женщина уже собралась уходить. Он снова остановил ее. Вернул кольцо. Тут уже оторопела она. Вынул из кармана мятый платок, завязанный в узел. Раскрыл его. Его дневная выручка. В полутьме было видно, как в платке поблескивает снятое с прохожих золото. Взял самое тяжелое кольцо и протянул ей. Она запротестовала. Он угрожающе повторил: «Взми!». Спорить нельзя. Она взяла перстень. Он исчез так же неожиданно, как появился. Лишь из темноты донеслось четко:

«Носи, и всем говори, что тебе его подарил МИША!».

Она носила и говорила. А я опубликовал в интернете. Не знаю, жив ли еще Миша, но, думаю, историю эту не мешает знать.

Поход на кладбище

По безлюдному кладбищу Кукиа (была среда, а может пятница, когда похорон нет), лавируя между ржавыми и мраморными оградами и огибая разросшиеся кусты сирени и кипарисы, идут трое. Впереди уверенно шагает приземистая простовато одетая Циури. На вид ей 60—70, на самом деле может быть и больше. За ней следует ее немолодая двоюродная племянница Элла, одетая в брючный костюм. Замыкает шествие сын Эллы, 24-летний невысокий блондин Торнике. На нем красная майка без рукавов и защитного цвета шорты с дюжиной карманов. Циури исполняет роль гида для своих родственников, недавно приехавших из России после десятилетнего отсутствия.

Дело в том, что нанеся все визиты по многочисленной родне, соседям и знакомым, на семейном совете было решено сходить на кладбище, почтить память деда Автандила, бабушки Марго, тети Нуцы и всех прочих предков, кто покоится на Кукиа.

Циури, как одна из последних, но дееспособных могикан, вызвалась возглавить «святое дело».

И вот сейчас Циури неожиданно тормозит у могилы с памятником из черного мрамора. На фасаде виден светлый силуэт молодого парня во весь рост.

– Кто это? – спрашивает Элла, близоруко щурясь на силу-

эт и перебирая в уме ушедших родных.

– Это Сандро, - Циури крестится и поясняет. – Это сосед моей золовки по старой квартире. Пусть светло ему будет на том свете. Бедный мальчик, умер от передозировки. Из такой приличной семьи, – и ласково гладит нагретый на солнце мрамор. - Спи спокойно, шени чириме⁷.

Затем Циури поворачивается к своим экскурсантам:

– Давайте ему свечку зажжем. Его мать только на Пасху сюда поднимается. Совсем сдала, несчастная.

Свечка зажигается, но вскоре тухнет. Все трое неумело крестятся, будто отгоняя стайку навязчивых мух. Циури бросает взгляд на потухшую свечку и на Торнике, который безуспешно чиркает спичкой.

– Оставь, главное, что зажгли. А сколько горело – неважно. – И припечатывает неоспоримым аргументом. – Я точно знаю.

Движение снова возобновляется.

Через пять минут снова остановка. Перед ними заросшая могила с полуистершейся надписью. По периметру стоят ржавые столбы с цепями.

– Тут свекровь моя лежит, – кивает Циури. По изменившемуся тону ясно, что настроение ее резко портится. – Уй- уй, старая ведьма! Чтоб тебе там пусто было! Вы думаете, у меня денег на краску нет? Не-ет, – тянет, наслаждаясь триумфом, – дело принципа! – и, обращаясь к могиле,

⁷ Ласкательное выражение. Непереводимый фольклор.

высказывает наболевшее. – Помнишь, как ты меня кастрюли чистить заставляла?! Вот и сиди теперь вся в ржавчине! Так тебе и надо, беззубой обезьяне! – Затем следует вердикт. – Свечку на нее переводить не будем!

Элла и Торнике выслушивают монолог в легкой растерянности, недоумевая, стоит тут креститься или нет. Но Циури уже уверенно ведет их дальше.

Следующая остановка у могилы пожилого мужчины.

– Это Мераб-мой деверь. – знакомит их Циури, извлекая не первой свежести платок и поднося к сухим глазам. – Святой жизни был человек. Какое сердце имел, – качает головой, мысленно уносясь в прошлое. – Сам деньгами крутил и другим жить давал. Прорабом на стройке работал. Сколько левого кирпича по родственникам развез – не сосчитать.

Догадливый Торнике уже зажигает свечи.

– Вино достань! – командует Циури и сама лезет в сумку за одноразовыми стаканчиками.

Торнике со знанием дела разливает божественный напиток самодельного изготовления. Циури вооружается стаканчиком и произносит проникновенную речь:

– Спи спокойно, мой дорогой Мераб! Ни о чем не беспокойся. Мы тебя помним и любим. Увидишь там моего бездельника Мито, передай ему, чтоб меня больше не беспокоил. Всю ночь за мной с ножом бегал, как при жизни. А эта рыжая стерва Ревека, его любовница, мне опять зубы скалила. Мераб, будь человеком, как своего брата прошу. Положи

конец этому безобразию. Я устала. Все время на лекарствах. Аха, вот тебе, – с этими словами Циури крестообразно наливает вино в центр могилы. И тут же деловито останавливает Торнике, который пытается следовать ее примеру. – Вино экономь. Еще наших могил штук восемь впереди. Это только своим людям.

Бутылка с вином прячется в сумку, и тройка продолжает следование по маршруту.

Внезапно Циури делает стойку около ухоженной могилы с вьющимися розами. Она кладет принесенный букетик цветов у доски с надписью и начинает всхлипывать:

– Анзор... генацвалос дейда... почему твоя тетя не умерла раньше тебя... Какой парень был! Тариэл, вылитый Тариэл⁸. От своей культуры, бедный, умер. Пошел в Москве в ресторан, вино выпил, закусил, туда-сюда... Вдруг поперхнулся, закашлялся. Совсем синий стал... Ему бы рыгнуть от души. А он людей постеснялся. Задохнулся и тут же скончался. Ему обильно вина нальем. Пусть там всегда радуется! – Циури смахивает набежавшую слезу пальцем-сарделькой.

Вино ручьем льется на сухую, потрескавшуюся землю.

Циури вопросительно смотрит на Торнике:

– Ты какие куришь

– Парламент. А что? – недоумевает племянник.

– Ох, Токо, Токо, не думаешь ты о своих легких. – журит его Циури и требует. – Ну-ка, положи ему несколько сигарет.

⁸ Герой поэмы «Витязь в тигровой шкуре».

Ему нужнее. Пусть Анзорик там насладится.

Торнике, не найдя что ответить, покорно кладет сигареты рядом с горящими свечами.

Циури в заключение крестится и ведет парочку дальше.

Торнике от нечего делать рассматривает надгробия.

– Ой, смотрите, – кричит он обрадовано, – тут, наверно, вор в законе похоронен! – и указывает на внушительный памятник человека, под которым стоит только имя «Заза».

Циури и Элла смотрят в указанном направлении. Первая со значением цокает языком, оценивая величину затрат. – О-о-о, сразу видно, уважаемый человек. И ему вино надо, и сигареты, если остались.

– А что, тетя Циури, вы его тоже лично знали? – удивленно взглянула на нее Элла, которую кажется, раздражают чересчур частые незапланированные отступления от цели.

– Да нет, деточка, что ты говоришь! – машет на нее руками Циури. – Где я, а где вор в законе? Просто почему не сделать приятное хорошему человеку? – и отбирает у Торнике пластмассовую бутылку. – Его вон сколько людей уважали, какие деньги вложили!

У Торнике дрожат ноздри от внутреннего смеха. Он вежливо трогает тетушку за руку.

– Посмотрите туда! Там какой-то профессор похоронен. Может налить ему за компанию. С понтом алаверды. От нашего стола вашему столу.

– Ох, оставь, пожалуйста, – сердится глава «святого де-

ла», – обойдется этот бумажный червяк и без нашего вина!

Инцидент исчерпан и все трое идут дальше.

Перед ними возникает семейная могила с огромной доской, на которой значится, что здесь покоится семья Апциаури: отец, мать и трехлетняя дочь, погибшие в автокатастрофе.

Торнике, пробежав надпись глазами, с восхищением рассматривает барельеф белого ангела, поднявшего голову к небу.

Циури, долго шевеля губами, наконец-то одолевает длинный текст на мраморе и начинает всхлипывать.

– Бе-едная девочка! Мамина радость!... Это куда Бог смотрит? Вай. Вай... Почему такая старуха, как я, не умерла вместо тебя?

Потом, вытерев непрошенные слезы, Циури резко поворачивается к виноноше – Торнике и командует голосом бригадного генерала:

– Давай все вино сюда! – и царским жестом опорожняет остаток бутылки со словами. – Аха, вот вам! Спите спокойно, мои золотые.

Затем Циури как-то буднично говорит Элле:

– Вот и все, дорогая моя Элико, можно идти домой.

– Как домой? – не поняла племянница, – мы еще не дошли до дедушки и бабушки.

– Эх, – отмахнулась от нее Циури, – какой смысл идти туда по такой жаре, да еще и с пустыми руками. Вина нет,

свечек тоже.

– Может, все-таки дойдем, посмотрим, – запротестовала Элла. – Нам уезжать скоро...

Циури одарила ее снисходительным взглядом, будто та сморозила несусветную глупость:

– А что там смотреть? Это вам не сериал по телевизору. Тут надо дело делать. А то, считай, напрасно пришли.

И она решительно поворачивает назад, не слушая никаких возражений. Но тут же предлагает компромисс:

– Лучше завтра 2—3 литра вина на запас возьмем, помидоры, огурцы и снова придем на целый день. Мы сегодня итак большое дело сделали – чужих людей помянули. Значит, и наших кто-то помянет.

Элла, поняв, что тетю не переспоришь, обреченно замолкает. И все трое идут в обратном направлении, снова петляя среди чужих могил и треснувших от времени надгробий. Ритуал, он превыше всего.

В последний путь

Разгар рабочего дня. Вокруг одного из подъездов на Плеханова стоят кучками люди, ждут выноса. Время от времени кто-то с улицы заходит в подъезд и через некоторое время присоединяется к одной из группок ожидающих.

Всем присутствующим ясно: этот человек только что сделал «круг почета» вокруг гроба именно по часовой стрелке и теперь скущаяще изучает место и действующих лиц вокруг. (Заметка для неосведомленных: направление обхода тоже имеет огромное значение в ритуале панихиды.)

Ближе всех к подъезду стоит группа пожилых женщин. Это, скорее всего, соседи.

– ... Ох, как не вовремя умер Вахо! В Великий Пост! Хоть бы до Пасхи как-нибудь дотянул, – сетует одна из женщин, слегка ударяя себя по щеке натруженной рукой с остатками маникюра. – Придется теперь накрывать постный стол. Грибы, рыба нескольких сортов, пхали, лобио. А люди с келеха уйдут голодными. Куда проще зарезать барана и сделать чакапули, наваристую шилу и так далее. Дешевле сядет.

– Да, – закивала другая домохозяйка, – уже подсчитывали – мясной стол легче накрыть, чем постный.

– На сколько человек делают келех? – поинтересовалась третья.

– На 80, – с жалостью откликнулась первая, видимо самая

посвященная. – Только свои люди сядут. С деньгами туго. – И пустилась невесело анализировать. – Э-э, куда мы идем? Не тот уже стал Тбилиси, не тот! – Глаза рассказчицы моментально потеплели и в голосе послышались нотки восхищения. – Помните, при Брежневe какие келехи были! – Качает головой, погружаясь в приятные гастрономические воспоминания. – Обязательно осетрина, икра двух сортов. Где теперь такое?

– Да-а...

– Какое время было! Жили при коммунизме и не заметили, – эхом отозвались несколько слушательниц.

Тут со стороны группы мужчин донесся приглушенный смех.

Женская коалиция, как по команде, оглянулась направо.

– ... Я еще один анекдот вспомнил, – не унимался плечистый мужчина в кепке. – Сидит азербайджанец в чайхане. Ему жарко, душно. У ног собака сидит. Он берет палку, кидает ее подальше и говорит: « Собака, подида, принеси палка». Собака приносит. Он снова: « Собака, подида, принеси!» Собака приносит. Он в третий раз тоже самое. Собака поднимает голову и говорит: « Тебе делать нечего! Сиди отдыхай, да!».

Мужской кружок негромко смеется, потом, оглянувшись по сторонам, резко гасят улыбки.

Недалеко от них стоит, по-видимому, группа сотрудников. Кто осудил происходящее, сказав:

– Ц-ц-ц! Что творится! Эти люди не знают, куда пришли. Нет, что вы там не говорите, а в Восточной Грузии не умеют по-человечески проводить покойника. Совсем другое дело у нас, в Мегрелии. 9 дней человека оплакивают. Только на лед какие деньги тратят. А здесь, в Тбилиси, на 4—5 день покойника из родного дома «выкидывают». Варварство!

– Скажете тоже, – засверкал глазами житель востока, – 9 дней – это слишком. Пытка для родственников и издевательство над трупом. Вот мусульмане и евреи – молодцы. В тот же день до захода солнца хоронят.

– И вы сравниваете нас, первых христиан, с какими-то христородавцами? – взвился западник.

Спор разгорелся не на шутку.

Напротив них, в группе из 4—5 человек царила полная идиллия. Все с явным интересом слушали милovidную, модно одетую женщину средних лет. Она, неторопясь, рассказывала следующее.

– ... Я начала с того, что опросила всех своих знакомых: нет ли у кого в роду поляков. И нашла, что искала. У моей старой учительницы по музыки был дедушка Гриц Ковальский. Я пошла в архив, не пожалела 5 лар, достала его свидетельство о смерти. Потом несколько раз сделала ксерокс, чтобы его имя стало совсем блеклым, и вставила имя моего деда по матери. Потом снова сделала копию и понесла эту бумагу в Польское общество. Они сейчас находятся на Сулхан-Саба Орбелиани №1, – рассказчица явно наслаждалась

нарастающим вниманием своих слушателей. – И меня, как потомка поляков, тут же занесли в компьютер и дали огромную гуманитарку. Теперь моя дочь бесплатно поедет в Варшаву. Единственный минус – теперь раз в неделю надо ходить на бесплатные курсы польского языка. Что поделаешь, издержки производства.

– Поразительно! – восхитился мужчина в очках. – А вот под еврея нельзя так подделаться?

– Нет, я вам не советую, – с о знанием дела стала объяснять многоопытная дама. – Евреи на то и евреи. Они все перепроверяют. А то попасть на учет в «Сохнут» или «Рахамим» – сказка Шехерезады. Пайки, бесплатная медицинская помощь и патронажная сестра в придачу. Я бы вам посоветовала латышей. Они, конечно, беднее поляков, но на безрыбье сами знаете... У них можно взять годовой талон на метро и разовые обеды по воскресеньям.

– Как приятно встретить знающего человека, – заулыбалась дама с пером. – Только на панихидах такое возможно. Сейчас такой дефицит общения. Давайте, я ваш телефон запишу для консультации...

В этот момент из подъезда начали выносить цветы. По кучкам тут же зашуршало:

– Вынос! Вынос!

Все как-то внутренне подтянулись. Мужчины спешно сняли кепки, женщины достали заранее заготовленные платки. Кто-то уже активно сморкался. За гробом вышли заплакан-

ные родственники в черном. Их тут же окружили соболезнующие и под руки повели к автобусу.

Новоиспеченная полячка крикнула своему собеседнику.

– Займите мне место поближе к водителю, где не сильно качает. Пока до Мухатгверди⁹ доедем – всю душу на серпантине вытрясет.

⁹ Отдаленное кладбище.

Тосты и тостуемые

«Ловись рыбка большая и маленькая»

На тарелках еще оставался недоеденный салат оливье, бадриджаны с орехами, зеленый пхали с дольками граната и прочее. Гости, распив три бутылки вина, находились уже в должной кондиции и были настроены на философскую волну. Уже прошли формально-традиционные тосты: «За здоровье хозяйки дома», «За здоровье (за упокой) ее родителей, а также родственников всех присутствующих», «За всех, кто нас помнит» и так далее.

Наступило время самых душевных тостов, а значит, и непридуманных историй.

– Давайте выпьем за наши сладкие воспоминания, – подняла бокал Мариэтта, дама нестандартной конструкции, по объемам которой можно смело сказать, что она не враг своего желудка.

Присутствующие, уже слегка подустав от изобилия блюд, заметно оживились.

– Давайте!

– Что мы пережили, не дай Бог никому! – ахала Кетино, 60-летняя вдова в трауре с большим вырезом, активно чокаясь со своими соседями.

– А п-помните 90-ые годы, при Гамсахурдиа, – к ней

со стаканом устремился Симон, 30-летний заика, в нервном напряжении морща раннюю лысину. – Х-хлебные очереди, с-света неделями не было.

– Нашел, что вспомнить на ночь глядя, – фыркнул медведеподобный Бесо, сосед-сантехник, приглашенный «для компании». – Как сказал, у меня сразу запах керосина в носу появляется. – И переспросил, повернувшись к Мариэтте, по слухам обладательницы золотой медали. – Это по-медицински что за штука?

Но Мариэтта, не ответив, вдруг закисло от смеха и хлопнула в пухлые ладоши.

– Вах, какой прикол! – не в силах сказать, что ее так расмешило.

– Генацвале, – Бесо культурно подергал ее за рукав. – Нам тоже скажи! Что случится?

Хохотушка, отдышавшись, начала рассказывать.

– Это было в 92-м году. Я тогда торговала сигаретами у метро «Ахметели» с 7 утра до 12 ночи. Был Новый год. Его я встречала как псих-одиночка. В полночь при свете керосинки чокнулась бокалом шампанского со своим отражением в зеркале, выпила залпом все, что было и бухнулась спать. Уже засыпая, пообещала себе, что скоро, кровь из носу, решу проблему с электричеством раз и навсегда. Мой отец через 2 недели сделал мне шикарный подарок – соорудил «удочку» – палку с длинным проводом, который надо было закидывать с балкона на проходящую рядом линию уличного

освящения... И вот как-то ночью выхожу я на балкон с удочкой и начинаю ее крутить, чтобы попасть точно на оголенный участок провода около дерева. Картина еще та: «Ловись рыбка большая и маленькая!». Только я прицелилась, смотрю, на балкон справа выползает заспанный Фридон, мой сосед. В руках у него тоже... «удочка». И он, значит, технично ворует уличный свет.

И что вы думаете? Фридон мне, как мужчина, место уступил.

– Кидай, говорит, Мариэтта, шени чириме. Двоим нам все равно не зацепиться за эти 10 сантиметров. Лучше я как-нибудь потом, в следующий раз...

Вот что значит коренной тбилисец! – заключила электроворонка с искренним чувством признательности. – Соседке-негрузинке уважение сделал! В убыток себе!

– Д-давайте выпьем за коренных тбилисцев! – засуетился Симон. – А то понаехала деревня. Ни культуры, ни понимания!

– Это все Саакашвили виноват! – авторитетно уточнила Мадлена. Она никогда не упускала случая поругать президента по поводу и без. – Разлагает молодежь своими американскими тестами.

– Ой, не говорите, – вторит ей Карен Самвелович, худенький старичок, всю жизнь проработавший в «Вечернем Тбилиси». – Мы наблюдаем интеллектуальную катастрофу нашего времени – нам искусственно насаждают чуждый нам

менталитет. Вот вам наглядный пример из теста по логике для абитуриентов. – И, не торопясь, стал цитировать. – «Вы сидите в автобусе. На остановке входят беременная женщина и хромая старушка. Кому вы уступите место?»

– Я – беременной, – кричит Симон

– А я – старушке! – Мадлена вытирает жирные пальцы от хачапури и объясняет причину. – Может, та вовсе не беременная. Сейчас время такое – никому верить нельзя.

Корреспондент ждет другие версии, потом с торжеством объявляет:

– Вы оба не правы. Правильный ответ: не уступать никому места, за которое ты заплатил.

Над столом повисает пауза.

Первым пришел в себя Бесо. Он укоризненно покрутил головой, украшенной стрижкой «Мой парикмахер умер давно».

– Ц-ц-ц. Отец того, кто эти дурацкие тесты написал, лучше бы одну табуретку сделал вместо такого сына. Мы б «спасибо» сказали.

Мадлена покачала головой, сожалея о судьбе Тбилиси.

– Вай, вай! Куда мы идем? – и опять все свела к политике. – Говорят, Саакашвили специально в ЦРУ готовили.

Карен Самвелович прокашлялся и, слегка понизив голос, предложил:

– Давайте закроем тему сладких воспоминаний. В 37- году дед мой то же этот тост пил и... в Магадане оказался. Сейчас,

сами знаете, везде камеры, микрофоны.

Тут раздался звонок в дверь. Все невольно замолчали. Мариэтта удивленно подняла выщипанные в ниточку брови:

– А я больше никого не жду.

Симон, известный медлительностью мышления, сказал не кстати. – Жвания-то не от газа угорел...

Бесо крикнул и молодежато опрокинул в глотку стакан с вином, не дожидаясь очередного тоста. Затем икнул и предложил:

– Давайте споем, – и первым затянул. -Чемо Тбилис-кала-ко-о-о...

Мадлена с энтузиазмом подхватила.

Карен Самвелович не впопад подпел вторую строчку.

В дверь продолжали настырно дубасить. Потом раздался приглушенный крик.

– Эй вы, что оглохли или вымерли все? Я прищепки хотела...

Хозяйка, не смотря на полноту, резво подскочила с места и, чертыхаясь, пошла открывать.

Карен Самвелович тоном конферансье – любителя объявил:

– Итак, дорогие мои, золотые тосты продолжаются...

Устное народное творчество

На гребне горы стоит памятник Мать-Грузия с мечом в одной руке и чашей вина в другой. Напротив, через Куру, стоит памятник основателю города – Вахтангу Горгасали на коне.

Мать-Грузия протягивает ему чашу вина.

– Выпей, сынок.

– Не могу, я за рулем...

.....

Две армянки-склеротички идут в гости к третьей, предварительно сообщив о своем визите.

Хозяйка, чтоб не забыть, пишет себе записку «Сварить кофе» и кладет в карман.

Гости приходят. Хозяйка по забывчивости 10 раз вытаскивает из халата записку и 10 раз варит кофе свои подругам.

Визит окончен. Гости уходят. На улице одна говорит другой:

– Все-таки, какая эта Сирануш негостеприимная. Столько сидели, хоть бы одну чашку кофе поставила.

Другая удивленно подымает брови домиком:

– А где ты ее вообще видела?

.....

Как сваны в гости ходили

«Позвали сванов в гости в культурный дом. Открывает дверь хозяйка, стол уже накрыт по всем правилам, вилочки

с ножичками, маленькие тарелочки на больших стоят, и говорит приветливо:

– Проходите, гости дорогие, как тарелки расставлены, так и садитесь!

Сваны прошли и сели. Большие сваны уселись на стулья, а маленькие – им на колени. Как тарелки стояли».

.....

Мито и Михо останавливают такси. Мито спрашивает.

– В Сабуртало хочу. За сколько довезешь?

– Пять лар.

– А если Михо со мной сядет?

– Все равно 5 лар.

Мито поворачивается к Михо.

– Говорил же я тебе, твоя цена копейка.

.....

Ражикунa приехал в Рачу в новом костюме. Его обступили местные и спрашивают:

– Ражикунa, где ты купил такой хороший костюм?

– Где купил, да в Сан-Ремо.

– Далеко от Амбролаури?

– Будет так 2000 километров.

– Смотри ты! Такое глухое место, а как хорошо сшито.

.....

Две подруги беседуют.

– Ты с ума сошла. Почему ты везешь на море черное платье?

– Все надо предусмотреть. Мой муж не умеет плавать.

.....

Два свана идут с охоты, на палке медведя несут.

Навстречу третий встретился и спрашивает:

– На охоту ходыли?

– Да

– Медведя убили?

– Да

– Гризли?

– Нэээт, руками задушили.

.....

Анекдотов великое множество, их печатают во всех ежедневных и еженедельных изданиях, и все равно эта рубрика остается неисчерпаемой.

Отдельно стоит сказать пару слов о тостах, пожеланиях и современных проклятиях.

.....

– ... Так выпьем же за то, чтобы орлы не падали, а козлы не летали...

.....

– Этим маленьким стаканом, но с большой душой хочу выпить за всех красивых женщин, а потом за наших жен....

.....

– Пусть Бог даст тебе мозги, а мне терпение, пока этого не случится.

.....

– Пусть аптека «PSP» станет членом твоей семьи!

Невезучие

...Про Аракеловых на улице болтали разное: и плохое, и хорошее. Пожалуй, самое оригинальное мнение высказала сама Асмик – дочка Джилды, главная движущая сила в вышеуказанной семье из четырех человек.

В августе 2008 года, как раз после подписания перемирия между Медведевым и Саакашвили, когда соседи очень эмоционально обсуждали ход войны, делясь пережитыми страхами, Асмик возьми да и скажи во всеуслышание:

– Вот жалко, что я не позвонила Путину, пускай бы одну бомбу сбросил на нашу Рионгесскую 9. Столько непуганых идиотов вместе собрано!

Соседи сперва опешили, потом Тенгиз – хозяин дома напротив указанного адреса – внушительно поцокал языком и поставил диагноз.

– Вай – вай, что ты сказала?! Язык у тебя, как бритва, – и уточнил для него лучшее применение. – Такой язык пусть нашим врагам будет!

На что Асмик только отмахнулась и сказала, не теряя уважения к возрасту оппонента:

– Достали они меня все, дядя Тенго, – и полоснула себя указательным пальцем по тройному подбородку. – Во как достали. Иногда просто крышу рвет...

Соседи сочувственно закивали. Все знали Асмик как

неутомимую трудягу, днюющую на базаре со своим товаром. Как не встретишь ее на улице – все с неподъемными сумками. А толку было мало. Аракеловы прочно сидели в должниках у трех магазинов. Невезучие, они и есть невезучие. Таково было общее мнение.

Прошло месяца два.

Электрическим зарядом пролетела по Рионгесской улице новость:

– У Аракеловых воровство!

Соседи справа, слева, напротив, через дорогу, бросились наперегонки соболезновать, а за одно и поглядеть на живой детектив, справедливо полагая, что такое и по телевизору не увидишь.

Последней зашла Цицо – квартирантка через 3 дома, и застала местное расследование в полном разгаре.

На зеленом, пятнистом от долгой и мучительной жизни, диване сидела старая Джилда в окружении заинтересованных слушателей и с чувством рассказывала душераздирающие подробности:

– ... Ай, нападение на нас последний месяц, жуткое нападение... На прошлой неделе какая-то скотина залезла в открытое окно и мою любимую вазу сперла да еще совсем чистые носки, которые недавно Асмик принесла, цапнула. За носки 2 лара дали. Они рядом с вазой культурно лежали, никому не мешали.

Я задремала сперва, а дверь, как всегда, открыта. Как

в той поговорке: «Заходите, воры, выносите весь дом!». Когда проснулась, вазы с носками как не бывало! – и Джилда в довершение эффекта хлопнула в ладоши.

Соседи дружно заохали.

– Уй ме, что творится!

– ...На прошлой неделе вот так же у моего сына одноклассницы бабки из квартиры годичный телевизор унесли. Хозяйка на пять минут за хлебом вышла.

– Это, наверно, одна банда орудует!

– Куда патруль смотрит, а?

Джилда, вытерев всей пятерней увесистый нос, продолжала, воодушеваясь поддержкой зала:

– Я, как увидела, что ваза на экскурсию пошла, сразу побежала Васику заначку посмотреть. А надо вам сказать, что за неделю до того мой сыночек принес от клиента деньги, вперед даденные, 3000 лар. И спрятал их в коробку из-под туфель, где его гвозди лежат. Здесь, говорит, самое надежное место. Люди, говорит, обычно в туалетный бачок прячут, а я сюда. Никто недопетрит. Что и говорить, у моего сына не голова, а Дом Правительства. Ему бы в Парламенте сидеть, да кто его туда пустит.

– Да-а, – вторили соседки в разнбой.

– Васику просто чистый мозг.

– ... Мне как-то кофемолку за 20 минут починил.

– А мне стиральную машину по новой собрал...

Джилда с огоньком в глазах продолжала:

– Кинулась, я, значит, к этой коробке. Смотрю, деньги на месте. Ва-а, думаю, какие тупорылые воры оказались. Выскочила я во двор и кричу на радостях Тенгизу направо:

– Тенго-батано, выгляни на минутку!

Тот свесился с третьего этажа.

– Что случилось, Джилда?

– Меня только что обворовали. Только самое главное – 3000 лар в коробке из-под туфель забыли взять.

– Бог спас, – кричит Тенгиз. – Это надо отметить. Я сейчас свое вино возьму и спущусь к тебе.

Смотрю, а тут этот старый врун Джимшер слева глаза таращит, интересуется.

– Что у тебя украли, Джилда? Я не расслышал.

– Я и ему кричу: « В коробке из-под туфель чужие деньги воры забыли взять...»

Пришла я домой. Села на телефон родственников обзванивать. Пока всем тбилисским сообщила, потом в Потти начала звонить. Аж устала, столько говорила.

Патруль мы вызывать не стали. Даже сказать некультурно, что пропало. Тут Тенгиз с вином спустился. До полуночи сидели – кражу обмывали. Я еще тогда сказала: « Кто мою вазу покушал, пусть тот все наши болезни с собой унесет!».

Тенгиз еще тост сказал. «Это, мол, хороший знак, что вазу унесли. Дело к прибыли будет. Может, повезет, в лоторею холодильник выиграете, а то ваш совсем, как азербайджанцы говорят „Мороз-др-др-машина“ стал».

Соседки оживились, подтверждая ту же мысль:

– А что, правда, – вклинилась Цицо, – прибыли без потерь не бывает.

– Я как-то деньги потеряла на базаре, – вторила Манчо, перемещая младенца с затекшей руки на другую сторону, – и через год в лотерею фен за 20 лар выиграла. Только жаль, испорченный подсунули.

Пока каждый из соседей вспоминал свою неповторимую историю на заданную тему, Джилда жадно пила воду из кокакольной бутылки и готовилась с новыми силами начать новую порцию рассказа. Потом скомандовала внучке Тако:

– Сделай нам кофе.

После маленького антракта слушатели, вооружившись чашечками-наперстками, приготовились выслушать вторую серию.

Джилда дошла до кульминационного момента.

– И что вы думаете, мои дорогие соседи? Проходит дней 5 или 6. Сегодня утром полез Васико в ту коробку из-под туфель. А там пусто. Одни гвозди лежат, чужие деньги -тютю. А ведь никто не знал, только свои.

Соседи заохали.

– 3000 лар – сумасшедшие деньги. Это точно кто-то свой.

– ... Кто точно место знал.

– Надо было полицию вызвать.

– Уж мы так искали, – продолжала Джилда, очередной раз вытерев всей пятерней внушительный орган обоня-

ния. – Все белье перевернули. Кровать перетрусости. Может, за матрас завалились. Даже в холодильнике смотрели. Нет и нет, как ветром сдуло.

– И что вы думаете делать? – ахали слушательницы.

– Ох, не знаю. Думаю в первую очередь кошку эту паршивую с дома надо убрать.

– Какую кошку? – никто из соседей не понял резкого перехода.

– Да вот, в начале октября, как этим кражам случиться, прибудилась к нам кошка. А Васико – вы же знаете, какое у него сердце – стал ей «Китикет» покупать. Я еще тогда сказала: «Эта кошка не к добру пришла. Либо я умру, либо что-то случится!». И вот, пожалуйста. Я то жива, а кражи не кончаются.

Но впервые за всю аудиенцию соседи загалдели, возражая:

– Уй, что ты говоришь, тетя Джилда! Кошку выгонять никак нельзя.

– ... Кошка, она проклясть может...

– Вот у нас в деревне случай был, – начала было Цицо.

Но тут всеобщее внимание нарушил телефонный звонок. Джилда с нетерпением схватила битую в нескольких местах трубку. Минут 10 слышались ее несвязные реплики.

– ... И что дальше... Вай, что ты мне сказала... Представляешь, что здесь творится... Ну, с меня магарыч!

Потом шмякнула трубку и радостно объявила всем, напряженно ждущим развязки.

– Все выяснилось. Я, как кража случилась, сразу выпила чашку кофе, взяла 10 лар с пенсии и отправила это все с соседкой Гульназ к Рузане, которая в Санзоне живет. Она хорошо чашки смотрит. Вот она сейчас позвонила и говорит.

– И первый, и второй раз украл один высокий человек. Только не видно в чашке, это мужчина или женщина. И возраст не пойми что... В чашке не то 20, не то 80 вырисовывается. Первый раз, когда вазу с носками уперли – он просто момент поймал. А про деньги он из окна услышал, когда я по телефону говорила, и специально пришел. Ну, слава те Господи, – перекрестилась Джилда. – успокоила меня Рузана. Главное, не свои. У меня от души отлегло. У меня от души отлегло.

Соседи ободряюще заулыбались – все же какая-то ясность в таком запутанном деле.

Тут на пороге появился Васико с перевязанной рукой.

Все повскакали с мест – рассмотреть получше.

– Что? Что случилось?

– Где это ты?

Васико скромно ответил:

– Бандитская пуля.

Джилда заплакала.

– Ох, я же говорила, люди добрые, нападение на нас в этом месяце. Видно, кто-то сглазил. Невезучие мы всю дорогу.

– Да это я на работе порезался, – стал успокаивать ее сын. – Ничего страшного.

У Джилды моментально высохли слезы и глаза ее гневно заблестели.

– Я же говорила. Эта кошка – проститутки кусок – виновата. Плохой ногой в дом зашла. В кулек ее, да на мусорку. Тогда, может быть, наши проблемы кончатся!...

Новое – это хорошо забытое старое

На Сухом мосту, несмотря на разгар августовской войны, вошедшей в историю, как «русско-грузинский конфликт», сидели рядком постоянные продавцы. Пройдешь, посмотришь, все, как один пенсионного возраста, еще с развала Союза люди, выкинутые из жизни.

Импровизированный базарчик на тротуаре по обеим сторонам моста возник здесь еще с 90-х годов. Тогда здесь по выходным торговали книгами. Потом, когда интерес к русским изданиям резко иссяк – большинство потенциальных читателей покинули Тбилиси в поисках лучшей доли, здесь, на клеенках стали продавать вынесенную из дома посуду, побрякушки, советские медали, значки и прочее.

Сегодняшний жаркий день не принес ничего нового. Продавцы, сидя на складных табуретках, лениво переговаривались друг с другом в ожидании покупателей.

Тут же, нагло заняв два метра тротуарно-торговой площади, развалился пьяный бомж. Время от времени он открывал мутные, ничего не видящие глаза и оглашал окрестности песнеподобным ревом. Причем репертуар менялся без объяснения причин.

Сперва с надрывом.

– ... Тавс моиклавс тетри геди ама хам...¹⁰

¹⁰ Белый лебедь убьет себя этой ночью (груз.)

Затем внезапно включался русский блок.

– ... Мои мысли, мои скакуны...

И так далее.

Рядом сидел абсолютно седой продавец и, поблескивая грустными карими глазами, говорил соседу.

– ... Вся наша жизнь – это хорошо забытое старое. Нам только кажется, что каждый день приносит новые сюрпризы. На самом деле это все когда-то уже было. – И заботливо поправил край простыни, на которой была водружена начищенная до блеска медная люстра и самовар.

– Это что вы имеете в виду, уважаемый? – переспросил его сосед слева, перед которым красовались скупленные у ветеранов медали и «почти новые» суповые тарелки. От нечего делать он протирал суконкой орден Ленина, переворачивая его в разные стороны тонкими бледными пальцами.

– Говорят, вселенная развивается по спирали, – развивал свою мысль Гурам, автоматически следя глазами за полировкой лика вождя мирового пролетариата.

Нодар издал носовой звук. Видимо, не любил метафизических прений.

– У меня из головы не выходит одна семейная история, продолжал Гурам, доставая дешевые сигареты «Army».

Над музейным самоваром пополз сизый пахучий дымок.

– ... Детство мое прошло в Сололаки¹¹. Обитали мы боль-

¹¹ Старый район Тбилиси.

шой семьей в старом доме с резными деревянными балконами. Вместе с нами жили 2 незамужние тети отца: Тина и Рипсима (последнюю, для краткости, звали во дворе Рипой).

Главной семейной ценностью считалось дореволюционное пианино с бронзовыми подсвечниками. Иногда, в качестве особого поощрения мне с сестрой позволяли побренчать на этом ненастроенном клавесине. При этом делалось педагогическое вступление типа:

– Ты хорошо себя вел, – говорила Рипа, открывая заветную крышку, – и теперь можешь немного помузицировать.

Среди соседей об этом трухлявом инструменте ходило немало легенд, объединявших в единое целое пианино и двух тетушек. Поговаривали даже, что в его недрах сестры хранили фамильные драгоценности.

Но, как выяснилось потом, семейную тайну надежно хранил совсем другой предмет.

– И вот однажды (было это в 1985 году) тетя Рипа отозвала меня в свою комнату, плотно закрыла дверь и, сильно волнуясь, сказала: «Цаца-джан, я хочу доверить тебе тайну всей моей жизни». После чего она вытащила из-под своей тахты что-то тяжелое, завернутое в ситцевую тряпку с цветочками: «Вот моя тайна!». Я, конечно, подумал, что это и есть хваленные фамильные драгоценности, о которых столько говорят соседи. Рипа торжественно развернула тряпку, и я охнул от неожиданности.... Передо мной лежал артиллерийский снаряд. «Вот, – повторила тетя, нежно поглаживая его метал-

лический бок. – Я эту бомбу храню уже много лет». – «Как она сюда попала?». – «Ее принес в 18-ом году с гражданской войны мой старший брат. Потом он снова ушел на фронт, погиб, а бомба осталась». – «И все эти годы вы ее храните? Зачем?!» – «А что с ней делать? Мы с сестрой боялись, что нас арестуют или она сама взорвется. Вот я и хочу попросить тебя: избавь меня от этих мук. Твой отец ничего не знает. У него больное сердце».

Потрясенный, я взял этот уникальный предмет и стал читать надписи: «Erfurt, 1914. 76 mm». То есть снаряд, изготовленный в Германии в 1914 году, пролежал под тахтой тети Рипы 67 лет. Она получила его 23-хлетней девушкой, а рассталась с ним 90-летней старухой. Она все эти годы спала на нем. Этот снаряд полностью изменил жизнь обеих сестер: они прожили всю жизнь в страхе, не выходили замуж, не имели детей...

Я отнес в отделение милиции заявление с просьбой забрать снаряд. Дежурный майор долго смотрел на меня изучающим взглядом. Наконец мое удостоверение замдиректора всесоюзного института убедило его в моей вменяемости. Примерно через час у нас дома появился капитан артиллерии и двое в штатском. Мне было сказано: «Ваш снаряд, вы и выносите!». Я завернул снаряд в газету, сунул его под мышку и вынес его к их машине. Офицеры скептически осмотрели находку. Один из них предположил: «Не могут люди столько лет хранить в доме бомбу. Это, наверное, тайник,

а внутри – драгоценности». Я не стал их слушать, попросался и пошел домой. Рипа обняла меня и заплакала: «Дорогой, ты спас меня от этой проклятой бомбы. Дарю тебе пианино, забирай его!» Клавесин мне был без надобности, и я отказался. Потом я узнал, что незадолго до смерти тетя Рипа подарила его соседке по балкону.

Вдруг во дворе кто-то крикнул: «Эй, у кого здесь бомбу нашли?» Через секунду все балконы в итальянском дворе были забиты соседями, глазевшими на молоденького лейтенанта из штаба ЗакВО. Я подлетел к нему и зашипел: «Скажите, что вы ошиблись адресом!». Но было уже поздно. Дом наш гудел, как растревоженный улей: «Люсик-джан, цаватанем, ра мохда?»¹² – «Ар вици, генацвале, бомби уповиато!»¹³, «Куро варе! Что случилось?!» – «Бомба, говорят, взорвалась где-то!» – «Вай – вай, подальше от нас!»....

Гурам загасил окурок о парапет и подвел итог:

– Просто раньше люди не знали, что такое взрывы, а сейчас этим никого не удивишь. Все каким-то образом повторяется.

Нодар слушал эту длинную повесть без комментариев. Потом, думая о чем-то своем, неожиданно сказал.

– Сын моего одноклассника вчера под бомбежку попал. Когда на Тбилисский радар налет был. Обгорел сильно. Сейчас в Арамянц-больнице лежит.

¹² Что случилось (груз.)

¹³ Не знаю (груз.)

– Что вы говорите? – мгновенно вскинул брови Гурам.

– Да, тоже ирония судьбы. Этнический русский от русской бомбы пострадал.

– Жалко... – протянул обладатель самовара, глядя куда-то вверх моста.

В этот момент со стороны бомжа снова донесся утробный рев

– ...Батяня комбат, ты сердце не прятал за спины ребят...

На вид невозмутимый, выдержанный Нодар почему-то подскочил со своей детской табуретки и, сжав кулаки, заорал на захватчика торговой площади.

– Нашел, что петь! Давай, мотай отсюда, комбат недоделанный! Тут война, понимаешь ты, идет! А он поет неизвестно что!..

Бомж на минуту замолчал, повел мутным взором на источник шума и, что-то бормоча, перевернулся на другой бок спиной к крикуну.

Нодар устало опустился на свое место, поглядел на часы и невесело заключил:

– Скоро сворачиваться пора. Напрасно сидим. Ни одного клиента на подходе. – Вздохнул, морща лоб. – Итак торговля на нуле, а тут эта идиотская война всех туристов распугала.

Гурам примиряюще улыбнулся.

– Раз идиотская, значит, скоро кончится. Любая глупость тоже имеет свой предел возможного с математической точки зрения. Я так думаю....

Две соседки

Однажды ночью женщине-художнице приснился ангел. Он начал ей описывать, что ее ждет счастливое будущее: у нее будут возможности выйти замуж за достойного мужчину, который будет любить ее и носить на руках, о том, что она родит ему троих замечательных детей, как она будет вести активную и обеспеченную жизнь и как она сможет реализовать себя в искусстве.

Всю свою жизнь женщина прождала исполнения обещаний, но, так и не дождавшись, умерла в нищете и одиночестве.

Когда она подходила к воротам рая, она увидела того же ангела, который снился ей ночью. Она с негодованием сказала ему: «Ангел, ты обещал мне счастливое замужество, прекрасных детей, обеспеченную жизнь и самореализацию в искусстве. Я всю жизнь ждала, но ничего так и не произошло. Зачем ты меня обманул?»

На что ангел ответил ей: «Я не этого тебе обещал, а возможности создания счастливой семьи с мужчиной твоей мечты, получения огромного богатства и высокого положения в обществе. А ты их пропустила».

Женщина была смущена и озадачена. Она ответила ему: «Я не понимаю, о чем ты говоришь».

Ангел сказал: «Вспомни: у тебя была возможность по-

слать твою картину на выставку в Париж, но ты побоялась, и не стала ничего предпринимать».

Художница кивнула.

«Из-за того, что ты не стала ничего осуществлять, эта идея пришла в голову другой женщине, которая не дала страхам взять верх, она эту идею воплотила в жизнь, и стала одной из самых богатых и уважаемых женщин на земле.

А теперь вспомни мужчину с голливудской улыбкой, который был не такой, как все и очень тебе нравился. У тебя была возможность изменить свою жизнь, но ты считала, что у вас ничего не получится.».

Женщина кивнула, а в ее глазах стояли слезы.

«Вот видишь, дорогая, а ведь это был мужчина твоей мечты, ты бы родила ему троих прекрасных детей и была бы с ним по-настоящему счастлива всю жизнь».

Притча об упущенных возможностях.

В доме на улице Каргаретели жили две соседки-ровесницы Нана и Элене. Обе родились в СССР, в далекой юности закончили русские школы (тогда это считалось хорошей зацепкой на будущее) и обе – единственные дочери у своих матерей.

90-ые годы никого не пощадили в своем танковом напоре, а соседок этих и подавно.

Нана в свое время закончила ин. яз, выполняя волю ма-

тушки. Та, видите ли, хотела, чтоб ее дочь в подлиннике Дюма читала. Но никак не учла, что будущее за языком прагматиков – английским, а книжки отца трех мушкетеров будут продаваться за 1 лар среди прочего хлама и никто их не будет брать, так как у новых поколений чтение будет не в почете. В итоге Нана, окончив институт, быстро обнаружила, что ее французский никому не нужен. И с превеликим трудом устроилась в школу на другом конце города лаборанткой.

Элене, по совету родительскому, окончила художественное училище и тоже обнаружила, что ее работы, как кистью, так и пряжей, интересны только иностранцам, которых еще предстояло выловить, сидя на Сухом мосту среди прочих таких же мастеров искусства. Чтобы продать один шедевр, надо было дневать и ночевать в этой арттусовке конкурентов месяцами, а вечерами рисовать новое.

Нана ходила пешком на работу в период энергокризиса, лишь бы сохранить за собой место, как источник возможных учеников. И со временем- таки приобрела себе пятерку туповатых, но платежеспособных бездельников.

Словом, у двух подруг были кислые стартовые позиции и никаких перспектив на будущее.

Не успели оглянуться, как обеим стукнуло по 32. Верующая соседка Нино посоветовала обеим креститься. Чтоб привлечь удачу в дом. Мол, хуже точно не будет.

– ... А что, все бывает. Вот моя троюродная сестра недавно крестилась и сразу у нее дела хорошо пошли. Замуж за бо-

гатого вышла и двойню родила. Милое дело.

Соседки согласились и скоро последовали доброму совету.

И правда, какое-то просветление в мозгах произошло. Нана набрала еще штук пять учеников по-русскому и все охала, как-то она раньше до этого не догадалась. Дело более выгодное и востребованное.

Элене устроилась в обувной цех рисовать модели обуви.

По характеру наблюдалась между ними такая разница. Нана хохотушка и пофигистка, всегда искала легкие пути.

Элене, наоборот, все делала тщательно. Если уборку – то до мелочей. Если суп варить – то на весь день. А уж если новую куртку планировала покупать, то выбирала месяц, обходя методично все магазины в округе. В случае провала планов очень унывала.

Тбилиси – город старых дев и обе соседки это подтверждали своим образом жизни.

И вдруг у домоседки Элене завелся ухажер Гио. Засек ее в том самом обувном цеху. Стал звонить, провожать и проявлять знаки настойчивого внимания.

Элене сразу поставила ему диагноз:

– Примитивен и ограничен.

Родители постарались обратить ее внимание на неоспоримые плюсы жениха:

– Какой хороший парень – сам создал рабочее место.

– Тоже мне «рабочее место» – сыронизировала Элене. –

Два ящика, на которых он раскладывает свой секунд хенд. Фирма под названием «Где хочу – там стою», чтоб легче было убежать при появлении патруля.

Гио, видимо, всерьез решил надеть на себя семейные узы и вскоре явился с букетом и бутылкой шампанского – предлагать свою мозолистую руку и немудрящее сердце.

Элене ответила отказом.

– Я себя не на свалке нашла. Нельзя поступаться своими принципами.

Кто б с ней не согласился.

Гио, получив отворот поворот, недолго переживал. Через два дня ровно с тем же комплектом – букетик и шампанское – стучался в двери к Нане, этажом ниже.

Нана дары приняла и через неделю перебралась к Гио на правах законной супруги.

Развелись они через полгода. В общем быту всплыли разные, несовместимые с будущей жизнью, привычки молодой жены.

Нана уже была глубоко беременна и, избегая нервотрепки, перебазировалась обратно в отчие пенаты. Пришедшим сочувствовать соседям она рассказывала со смехом:

– А я ни о чем не жалею. Слава Богу за все! Сейчас все разводятся. Век такой. Мужики не годятся. Так что ж теперь, замуж не выходить? Ребенка как-нибудь сама подниму. Ничего страшного.

Элене тут высказала подруге насколько умно она посту-

пила, не связавшись с продавцом переносного секондхенда.

Опять потянулись серые однообразные дни. Потом маленькая вспышка – у Наны родился сын Сандро.

Элене, хоть в очередной раз находилась в финансовой траншее, наскребла-таки на подарок новорожденному. Уж в чем – в чем, а в скупости и необязательности ее нельзя было обвинить. Точно также поступили и остальные обитатели итальянского двора. Ведь счастье – человек в мир пришел.

Жизнь своим чередом мимо бежит, время от времени пинг-понговые шарик в двери соседок бросает. Шансы называются.

Нана собрала деньги, которые люди для Сандро от себя оторвали, и купила старый ноутбук с рук.

– Без информации сейчас никак! – и приступила исследовать интернетную паутину в перерывах между кормлениями.

Элене только нос сморщила:

– Если уж приобретать, то только новое. Мы не настолько богаты, чтоб покупать дешевые вещи.

О компьютерах Элене имела самое отдаленное представление типа экран, а рядом кнопочки.

И вдруг, дядя царский подарок сделал – вынес ей новейшую модель прямо из магазина, все детали по коробкам расфасованные.

Водрузила Элене все эти составные части на письменный стол, прикрыла тряпочкой, чтоб пыль не садилась и оставила до лучших времен.

Нана, в промежутках между выгуливанием сына в крошечном дворе с щербатым асфальтом, успевала вселять в соседку надежду на светлое будущее:

– Элене, давай интернет пополам включим. Так дешевле сядет. Тебе сайт кто-нибудь сделает и будем твои шедевры рекламировать. Сейчас хэндмэйд рулит. Я читала, американцы большие деньги за такое платят.

– Я английского не знаю, – качала головой непризнанная звезда живописи.

– Не проблема. У меня 1500 френдов в разных сетях. Кто-нибудь да поможет. А там раскрутим тебя на высшем уровне.

– Неудобно как-то...

– Неудобно на люстре спать – скатиться можно. Эх, мне бы твои золотые руки, я бы...

Элене отказалась от какой-либо раскрутки и рекламы. Видно, еще сидели в голове идеи из советской школы: «реклама – продажная девка империализма».

Нана каким-то образом освоила новую невиданную специальность – фрилансер и значительно поправила свое финансовое положение.

Так прошло лет пятнадцать или около того. Сын Наны заканчивает школу. Нану одолевают болячки, но она бодрится и юморит по прежнему.

У Элене прочная, ничем невыветриваемая депрессия, так как, по ее мнению, жизнь прошла мимо. Она досматривает мать – старуху и очень нуждается. Когда-то навороченный

компьютер уже превратился в музейный экспонат под той самой тряпкой. Пользоваться им хозяйка так и не научилась. Не дошли руки.

Нана, иногда, по старой памяти призывает Элене к конкретным действиям с пошаговыми инструкциями.

Кто его знает, что сделает Элене дальше. Любая гора начинается с подножья. А так же «дорогу осилит идущий». Стоит только захотеть.

В чужом амплуа

– ...Недавно произошло со мной нечто из ряда вон выходящее.

Лето я обычно провожу в Цхнети. Там у меня от родителей дача осталась. По сравнению с другими, двух-трехэтажными махинами, конечно избушкой кажется, но я и этому рада. Хоть мы можем дышать чистым, незагазованным воздухом, и то слава Богу.

Летом я себе даю полную разгрузку от напряженного года. Погружаюсь в чтение духовной литературы, стараюсь по-сильно сидеть на диете, пить травки и питаться исключительно по сбалансированной системе.

Пошла я как-то собирать мяту. Всегда ее засушиваю для зимы. Искала и наткнулась на целую поляну. Набрала целую сумку и пошла обратно. Встретила соседа по даче, Нугзара. Поздоровались милым образом, он скосил глаза мне в сумку и почему-то разозлился:

– Я думал, ты приличная женщина, а ты... – не закончил, рукой махнул и пошел с бурчаньем дальше.

Потом обернулся, чтобы окончательно заклеить меня позором:.

– Это же Гурама трава! Он ее сажал, поливал, а ты украла! Я онемела от такой наглости. Нормальный хозяин делает все посадки у себя за забором, а не где-то в лесу. Что, спра-

шивается, я могла украсть?

Еле успокоилась от такого нападения. Стала читать свою тетрадь с выписками из святых отцов. А там у меня красной ручкой на главном листе:

– «Как воду жизни пей поругание от каждого человека».
Св. Иоанн Лественичник.

Потом, успокоившись, занялась своими делами.

Вообщем, высушила я всю эту кучу. Вышло ни много, ни мало два килограмма. Сiju, радуюсь, планирую: «И той дам, и этой хватит и для соседей еще останется». Во славу Божию.

Заварила я себе первую порцию. Чудо, а не трава. Неделю пью. Настроение прекрасное, самочувствие, как у космонавта, давление не скачет, сон нормализовался.

Потом стали меня мучать смутные сомнения. Что-то раньше у меня такого результата от мяты не было.

Взяла несколько листиков и пошла к знакомому биологу Зазе.

– Что это за редкий вид мяты?

У того чуть очки на лоб не полезли.

– И много у тебя ее?

– Два кило.

Он меня за руку схватил:

– Умоляю, продай мне все целиком.

Короче говоря, под нажимом он сказал, что вместо мяты я собрала коноплю.

И кто я теперь после этого? К чему это меня обязыва-

ет? Везде пытаюсь понять тайный смысл, а тут никак. Ой, не спроста это, не спроста...

Жизнь и страдания не очень юной Венеры

*«Если всегда и во всем будем обвинять
себя, то везде найдем покой.»*

Преп. Пимен Великий.
(Телефонный роман.)

Кто на Плеханова (извиняюсь, на проспекте Давида Агмашенебели) не знает пампушку Венеру? Пампушкой зовут ее друзья, а для недругов и завистников она «толстуха необъятная» и еще прочее нелестное типа «От коровы до слона» за ее 150 кг чистого веса. Образ жизни у нее преимущественно домашней. А если и выходит куда, то только в ближние магазины отовариться или по модному — «на шопинг».

В другое время уроки с дочкой делает, авторadio слушает, в основном блатные песни, или душу на телефоне отводит — благо в Тбилиси пока счетчиков поминутных еще нет.

Звонит она узкому кругу «своих людей», а особенно подруге детства Маке, по ее, Венериному определению «с понтом верующей». Та, от нечего делать, слушает, считая, что тем самым исполняет завет Христов «Носите тяготы друг друга».

Выглядит это так:

– ...Все ты, негодяйка, во всем виновата! – звучит Венерин голос в одно прекрасное утро без всяких прелюдий. Да и зачем они нужны, эти прелюдии, когда звонишь в день по три раза, а то и больше. – Шастаешь в эту церковь, ну и шастай, раз делать нечего. Так ты еще и сплетни распускаешь. А я, дура, верю.

– В чем дело, Венерчик? – уточняет «негодяйка», скользя карандашом по кроссворду. У запасливой и невозмутимой Маки специально у телефона стопка старых газет лежит, как раз для долгоиграющих Венериных излияний.

– Кто наврал, что твоя соседка на прошлое Крещение видела раскрытые небеса? Всей семьей еще приличное желание не смогли загадать, олухи! Ну, кто?

– Правда, было такое, – подтверждает Мака, неотрываясь от незаполненных клеток. – Сами рассказывали.

– Я специально отметила это Крещение в календаре и список желаний заготовила, чтоб не фразернуться. – Из трубки доносится прерывистое дыхание. – 20 пунктов накатала. Даже уборку в доме внеплановую провела, чтоб бинокль театральный найти – на небо смотреть, чтоб ничего не упустить. Бинокль проклятый так и не нашла, зато забытая записка выплыла. Но не в этом дело. Сегодня, с 7-ми утра уставилась я на небо, чуть шею себе не свернула от напряжения. Наготове лист с желаниями держу. И что? Не фига. Не открылись небеса. До девяти прождала, плюнула и пошла тебе звонить – зло сорвать. – Венера вдохнула поглубже и с новой

силой продолжала прерванную речь. – Почему, спрашивается, соседке твоей повезло, а мне нет? Вот что значит собачье счастье!...

– Зато тебе в другом повезло, – резюмирует Мака, давно привыкшая к подобным жалобам. – У тебя ребенок есть и постоянный доход без вкалывания. Разве это не счастье в наше время.

– Ох, оставь, пожалуйста. Пока я свою девочку вырастила – здоровье угробила. Все в этой жизни против меня. Вот, сегодня, у всех людей праздник, а у меня с утра слезы, а кто во всем виноват? Все ты, баламутка верующая!

И трубка зло клацает на рычаги.

Следующее утро неизменно начинается с дежурного звонка. Мака уже знает – это Венера многострадальная. На сей раз ее голос дрожит от еле сдерживаемых рыданий.

– ...Макуся, моя дорогая Макуся. Мой бедный Бэмбик с грустными глазами. Как я тебя люблю! Мне так тошно жить на свете. Ищу утешения и не нахожу. Все против меня. Подошла я сегодня к окну и что я вижу. Прямо напротив через улицу сидит безногая девушка и просит милостыню. Кто подает, а кто нет. Мне тут же кровь в голову бросилась. Сразу морда красная стала, как из бани.

– Почему, солнышко? – невозмутимо спрашивает вечный слушатель, продолжая смачно жевать яблоко.

– Представила себя на ее месте. Будто я, Венера Тархнишвили, 45-ти лет, такая из себя дама-женщина сию на гряз-

ном матрасе и клянчу у всех позорные 10 тетри. Увидела, как на яву. Чувствую, в висках застучало. Видно, давление поднялось. Я заплакала и отошла от окна. Мало мне своих переживаний о неудавшейся личной жизни. Так нет, еще эта инвалидка села, как назло, напротив. Будто ей всего Плеханова мало. Даже в этом полный облом.

– Святые отцы советуют в тяжелые минуты вспоминать о милостях Божьих, явленных нам, – вещает Мака индифферентным голосом, догрызая серединку яблока.

– Не было никаких «милостей Божьих», – звереет Венера. – Я тут уже коринфал приняла. Сколько химии глушу, а толк нулевой. А-ва-ва... – доносится из трубки плач вздох. – Вот ведь жизнь моя как не вышла... А-ва-ва... Недаром я в молодости Тургенева любила... Все про неразделенную любовь писал... Видно, мое подсознание тогда мне сигнал давало, про гнилое будущее... А-ва-ва...

– Тебе надо образ мыслей поменять, – вставляет свое Мака, внимательно рассматривая свой нос в круглом зеркальце. – Если воспринимать любую ситуацию, как данную сверху, намного легче. А эмоциональность – грех.

– Не надо много свистеть! – плач на том конце переходит в раздраженный крик. – Когда рядом нет мужского плеча, все в пустую... Это же уму непостижимо. четыре мужа было и все, как один, фикстулы.

– А ты не унывай, Продолжай искать. Кто ищет, тот всегда найдет. – Мака, придерживая трубку плечом, копается

в косметичке.

– Вот ищу, ищу и что?! Один мусор к моему берегу плывет. Один жмот, другой пьяница, а третий и вовсе импотент. И все умные для себя, на Венерину шею вскочить хотят. Знают, Венера не фраер, две квартиры сдает и проценты крутит. Всегда все у нее тип-топ.

– Вот видишь, как Господь все твои дела управляет, – неспеша отзывается Мака, выщипывая правую бровь.

– Нет, ты меня сегодня уморить хочешь. Очень «управляет», за счет моих нервов. Я у тебя поддержки ищу, а ты мне какую туфту гонишь! – И трубка раздраженно гудит ту-ту-ту.

И так каждое утро и вечер. Наступающий день несет кучу неприятных моментов и поэтому темы для разговоров у Венеры никогда не иссякают.

Лето. Звонок снова нарушает тишину. Из снятой трубки доносится захлебывающийся голос Венеры.

– Макуся! Ты слышишь меня?! Что творится на этом свете! Нет, меня точно когда-нибудь инфаркт или инсульт шарахнет

– А сегодня что случилось? – позевывает Мака в трубку, раскрывая детектив Устиновой.

– Сегодня я с 7-ми утра десять кругов дала по Дезертирке¹⁴. Битый час торговалась с баджи¹⁵ из-за ведра помидоров и выторговала два лара. Эту бумажку спрятала в самое на-

¹⁴ Простонародное название одного из старых базаров в Тбилиси.

¹⁵ Обращение к женщине (азер.)

дежное место, ну ты сама знаешь, к сердцу поближе. Два лара, думаю, потом положу в копилку. И что ты думаешь?

– И что я думаю? – переспрашивает флегматично Мама, продолжая читать журнал в своей излюбленной манере – по диагонали.

– Опять и опять гримаса судьбы. Пришла я домой, стала раздеваться и не заметила как деньги из лифчика на пол выпали. Что-то потом я завозилась. Смотрю, по всей кухне какие-то огрызки валяются. Посмотрела и ахнула. Так это Бима, подлец, мои кровные два лара на клочки разгрыз. Отлупила эту безмозглую собаку и давай реветь. Животное ради положительных эмоций держу и на тебе. Я же говорю, все против меня. Гизо, негодяй, мои две тысячи долларов покушал. Я его как человека полюбила, и что взамен? Одна подлость и обман. А- ва- ва ... – И из трубки вновь доносятся обещающие стать затяжными безутешные рыдания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.